

The background of the book cover is a dark, atmospheric scene. It features several lit candles in ornate, bird-shaped holders. One candle is inside a large, round, dark-framed mirror in the upper left. Another is in the center, and a third is in the lower right foreground, slightly out of focus. The candles cast a warm, yellow glow. The surface they sit on appears to be covered in a layer of white powder or ash. The overall mood is mysterious and somber.

Рауфа Кариева

Дунь и плюнь,
или куда ушел бес

*Мистическая,
полная тайн и загадок,
странная история*

18+

Рауфа Кариева

Дунь и плюнь, или Куда ушел бес

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кариева Р.

Дунь и плюнь, или Куда ушел бес / Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рассказ написан в 2012 году. События, о которых идет речь, происходили со мной с 2003 по 2009 годы. На сегодняшний день (осень 2019 года) моя жизнь изменилась даже по сравнению с 2012 годом. Также другими стали настроение и убеждения. Но в текст рассказа я не внесла никаких изменений. Как написано тогда – от души – так и оставила. Надеюсь, читатель сможет отделять зерна от плевел, не делать скоропалительных выводов. И, возможно, мой жизненный опыт кому-то пригодится.

Рауфа Кариева

Дунь и плюнь, или Куда ушел бес

Весной 2003 года умер мой папа.

Для любого нормального человека смерть отца является горем. Пусть жизнь его была долгая и насыщенная событиями, но все же, когда жизнь человека заканчивается, всегда жалко. А также страшно и таинственно размышлять, что такое – смерть? Куда ушел человек? Был, был, и вдруг его не стало. Не сразу, но постепенно, я также осознала, что ушел не просто человек, а человек, которому я, его дочь, была по-настоящему дорога, а моя жизнь и проблемы были ему бесконечно интересны, как никому другому на свете. И что больше нет на свете человека, для которого я представляю такую же ценность, какую представляла для своего отца.

Мой отец был глубоко порядочным и высоконравственным человеком. К своей семье и детям он относился так, как является должным в идеале относиться к детям нормальному мужчине – очень ответственно. Конечно, были у нас и классические проблемы «отцов и детей», например, я считала и считаю, что он часто злоупотреблял своей отцовской властью и принимал директивные решения. Однако все это было – в пределах нормальных человеческих взаимоотношений, без перегибов и отклонений. Отец он был хороший, без каких-либо «но».

Я акцентирую внимание на этом, чтобы читатель понял, какие физические и моральные страдания я переживала и переживаю в связи с чудовищным переплетением в моей голове, сознании, душе и мыслях – ПРОБЛЕМЫ, о которой речь пойдет далее, – и образа моего отца, самого порядочного мужчины, которого я видела за 53 года моей жизни.

Первые же недели после смерти отца, я стала ежедневно видеть его во сне. Сначала я объясняла это потрясением от горя, и, не вникая особо в сюжеты снов, считала это нормальным явлением. Ну, расстроились мои нервы, пройдет – думала я.

Я имела и имею некоторые особенности засыпания, сна и сновидений, не совсем здоровые и нормальные, имеющие истоки в раннем детстве. Именно это усугубило появившуюся весной 2003 года проблему, и затруднило ее решение. И наоборот, возникшая ПРОБЛЕМА ухудшила мой и без того неполноценный сон, и резко снизила качество жизни, подорвала здоровье.

Сейчас я уже могу делать некоторые отдельные выводы и предположения, так как обдумывала истоки проблем со сном, и самостоятельно, и в ходе консультаций с врачами.

В детстве я страдала энурезом. И поэтому меня дома, даже в очень раннем детстве, будили по несколько раз за ночь и сажали на горшок. Я даже помню себя 6-7-летней, полуспящей, сидя на горшке, облокотившись на стену: меня подняли ночью с постели и посадили на горшок. Я ничего не хочу делать в горшок, но меня на нем оставили, мол, пока не сделаешь, будешь сидеть. А мне страшно хочется спать, я прикорнула бочком к стене и так сладко сплю. Но контролирую себя – не упасть бы с горшка.

Постепенно выработалась привычка просыпаться с некоторой периодичностью, просыпаясь от 5 -10 раз за ночь. Также я часто лежала в больницах, и, в более старшем возрасте, опасаясь насмешек со стороны сверстников по поводу своей болезни, я контролировала свое

засыпание вплоть до активной борьбы со сном, тренировкой способности спать сидя, чтобы спать неглубоко, также сном в полудреме. Я постепенно отучила себя спать полноценно. Главным для меня было – не проспять позыв. А, проснувшись, главным было потребовать от организма, чтобы, на всякий случай, выполнить предупреждающий слив жидкости.

Когда энурез самоликвидировался, а эта болезнь является наследственной, широко распространенной и проходит сама по себе с началом полового созревания, привычка просыпаться 5-10 раз за ночь, спать только поверхностно, тревожно и урывками – осталась. Анализируя свою жизнь, я делаю вывод, что такая манера спать, не только значительно снизила качество моей жизни, но также являлась одной из причин (главная причина, естественно – это мой плохой характер) – разрушения семейной жизни. Не каждый человек сможет привыкнуть к такому необычному ночному поведению своего партнера.

Любые стрессы, физические болезни, напряженная умственная работа, переживания, всю мою жизнь осложнялись бессонницей. Даже в детстве, я помню тяжелые бессонные ночи, а потом усталость и утомление днем. Видимо, в том числе и поэтому, мне так приятно вспоминать время, когда я жила у бабушки: у нее в доме вообще не было горшка. Она ставила рядом с моей кроватью обычный тазик, если я сама проснусь – туалета в доме не было, он был во дворе. А сама бабушка вообще не заморачивалась будить меня ночью – уходила спать в свою комнату. А уж что случалось – то случалось. Я не помню, чтобы она хоть раз меня за это поругала. Бабушка вообще не волновалась, что я «вырасту лентяйкой», и потому не заставляла меня соблюдать режим дня, и утром не будила тоже. Только у бабушки можно было проснуться, когда проснулась, и, не умываясь, в пижаме побрести на кухню. А там, на столе, уже всегда стояла свежая бабушкина выпечка. Можно было даже не вымыть руки, сесть за стол и схватить пирожок. Бабушка только ласково говорила: «Ешь, кызым, ешь». (Кыз – татарски – девочка. Кызым – моя девочка)

Уже взрослым человеком, несколько раз мне даже приходилось обращаться к врачам, и целенаправленно лечить бессонницу, иногда продолжающуюся неделями. Часто я видела кошмары, и вообще, очень беспокойно всегда спала. И так было всегда, в том числе и до смерти папы.

Таким образом, со сном у меня и так были проблемы, а появление – после смерти папы – навязчивого сна с участием его образа – начало полностью деморализовывать меня.

Идет время после смерти папы – неделя, месяц, два. Кошмары с участием его образа только усиливаются и становятся все более и более устрашающими. Я поняла, что дело со мной неладно.

Ежедневные сновидения имели совершенно чудовищные сюжеты. Я специально в начале рассказа акцентировала внимание, насколько порядочным и хорошим отцом был мой папа. Тем более сюжеты сновидений приводили меня в ужас. Папа во сне приходил, будто наяву. Не отличишь – сон или явь. Но при этом это был только внешне – папа. Во сне он был страшен. Зол, яростен. Он пугал меня, пытался укусить, ударить. Сверкал бешеными глазами, догонял, с намерением убить. И так каждую ночь. Причем во сне я не понимала, что это сон. Все было еще реалистичнее. Чем сама явь. Я просыпалась мокрая и дрожащая, со стучащими зубами и сердцем.

Я не знала, что предпринять, к кому обратиться за помощью. Жила я в то время в Самаре, одна. Я стеснялась пересказывать кому-то сюжеты снов, а моя жалоба в двух словах, что снится, мол, покойный отец, никого не напрягала: говорили, что нужно помянуть и все.

Помянуть – и все. Я стала постоянно ходить в мечеть. Помянуть – и все. Кошмары продолжались и становились все страшнее и страшнее. Рассказывать эти сюжеты я по-прежнему стеснялась, настолько ужасными они были.

Проходит еще месяц, и еще. Ничего не меняется. Сны становятся разными. Например. Слышу звонок в дверь, но не понимаю, что это во сне. Думаю, что наяву. Иду открывать – папа. Заходит, проходит в комнату. И ложится в мою постель. И заставляет меня лечь рядом. Или сам своим ключом открывает дверь, проходит и ложится со мной, я чувствую прикосновение холодного трупа, который прижимается ко мне.

Я пошла к врачу. Мне выписали таблетки. Антидепрессанты. Оказывается, в мире сейчас производят антидепрессантов больше, чем всех остальных медикаментов, вместе взятых. Сотни тысяч людей употребляют антидепрессанты годами.

Назначен мне был коаксил на два года. Я пила его. Но сны не пропадали. И не менялись.

Через полгода после смерти папы я уже была убеждена, что мне теперь жить с этим кошмаром всегда, значит, надо адаптироваться, привыкнуть. Помощи ждать не от кого и неоткуда. Надо работать, зарабатывать на жизнь, решать другие жизненные проблемы. У меня много напряженной работы, я много читаю литературы по работе, по специальности. Однако мое чтение теперь имеет и еще один ракурс. Все свободное время я посещаю областную библиотеку – она в Самаре очень богатая – и читаю книги по религиоведению, эзотерике, психологии, психиатрии, ведовству, колдовству. Посещаю храмы и монастыри, покупаю книги там, а также в мечети. Читаю все подряд. Ищу ответ на вопрос, что со мной и что мне делать.

В то время я еще не пришла к выводу, что нужно обратиться за помощью к священнослужителям. Хотя у меня уже был опыт общения с православными священниками во Владимире – там они были очень образованные, интересные, можно было просто придти и задать любой вопрос о жизни – у них на все были ответы. Здесь, в Самаре, я не помышляла о том, что можно пойти в храм и рассказать про свою беду – такие сны, посоветоваться. Я боялась и стеснялась. У меня появилось чувство, что я «грязная», в чем-то виноватая, грешная. Я постоянно ходила в мечеть, чтобы просить помолиться за папу, однако был у меня некоторый опыт, не позволявший пока обратиться за помощью к мулле тоже.

Дело было в 1992 году. Я только-только приехала в Самару из Таджикистана, находилась в очень большом волнении и страхе, как буду жить дальше. В местной газете увидела объявление, что в Самаре начинает строиться большая новая мечеть, и что желающие внести свой вклад, могут придти в старую мечеть и сдать деньги. Кто сколько хочет, или может.

В Душанбе и Ташкенте я никогда не ходила в мечеть. Не ходили туда и старшие женщины, и даже все бабушки всегда молились дома. Только в Ташкенте я сама ходила домой к мулле – когда нужно было дать имя дочери. Но не в мечеть.

А тут, в Самаре, я решила пойти в мечеть и внести свой посильный вклад на строительство. Мне казалось, что это нужно в первую очередь мне. Конечно, я внесла сумму, которой,

скорее всего, хватило, например, на дюжину гвоздей. Но, когда, много лет спустя, я вошла в новую красивую самарскую мечеть, сравнимую внешне с мечетями на фото из ОАЭ, я вспомнила про ту маленькую сумму. И на душе у меня стало светло-светло: да, МОЯ дюжина гвоздей здесь есть.

Так вот, в 1992 году, я с такими светлыми намерениями пришла в мечеть. Подходит ко мне мулла, здоровается. Я отвечаю. Он спрашивает, откуда я, куда, зачем и почему отвечаю по-русски. Рассказываю все искренне. Война, эмиграция, так-то, и так-то. Мулла внимательно слушает, а потом и говорит: « Так вам всем и надо. Уехали в свое время, родину предали, Бога и родной язык забыли, теперь таджики вас поперли, так вы прибежали, поджав хвосты. Так вам и надо».

Я обомлела. Я знала точно, что никто не бросал родину, никто не забывал Бога и родной язык. Мой прадед по отцовской линии, был сослан в 30-е годы из родного села на Волге – Старая Кулатка. Он со всей семьей, сыном (мой дед), внуками, в том числе и моим папой, в чем были, без имущества, были высланы в Шахрисябз (Узбекистан). Другой мой прадед, по материнской линии, в те же годы был выслан из Челябинска, где у него экспроприировали конезавод, в Термез (Таджикистан, на самой границе с Афганистаном), где его и расстреляли. Его жена с 6-ю детьми поехала следом, осела в Душанбе – ждать мужа. Она всю жизнь верила, что во время расстрела ее мужу удалось убежать в горы, через границу, в Афганистан. И что в любое время он может вернуться. Всю жизнь она берегла замумифицировавшийся палец мужа, который он себе случайно отрубил, когда колол дрова. И ждала.

Кто из них какую родину предал?

Слова муллы меня ранили. Я потом сказала своей родственнице Руме: « В эту мечеть я больше не пойду. Там мулла дурак».

Кстати, через год, я услышала от кого-то, что этого муллу за какие-то провинности лишили сана. Видимо, он забыл, что священник не имеет права так разговаривать с людьми. Даже в тюрьмах, у преступников, священники принимают исповеди. И не осуждают людей, а стараются облегчить им душу.

И вот в 2003 году, я пока не пришла к тому, чтобы с кем-то из священников поделиться своей бедой. Однако, на основе горы прочтенных книг и многих часов размышлений, я сделала некоторые умозаключения:

Глубоко в сознании, в генетической памяти, конечно, ВЕРА у меня есть. Однако, наше с вами советское воспитание, комсомольское прошлое, и прекрасно преподнесенный в университете Виктором Ивановичем Приписновым, и сданный мною на «отлично», ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ – внесли свой бесценный вклад в сумятицу моей души и эклектичное насквозь мировоззрение.

Мне уже стало понятно, что НЕЧТО, которое теперь является неотъемлемой частью моих беспокойных ночей, напрямую связано с потусторонними силами. И мне придется самой как-то с этим разбираться, и далеко не на основе постулатов диалектического материализма. Причем, не имея пока каких-то инструментов, которые, наверное, имеются у воспитанных по строгим религиозным канонам людей.

За несколько лет до этого, у меня была возможность изучить православие, познакомиться с Библией, пообщаться со священниками в старинных храмах Владимира, в монастырях Боголюбово, что близ Владимира. Да, православие, как и католическое христианство, имеет неисчислимый арсенал средств духовной помощи и поддержки для человека. В чем, несомненно, я точно нуждалась. Конечно, я русскоязычный человек, я думаю и чувствую – только по-русски. И я решила воспользоваться этим арсеналом. Однако я подумала, и решила, что мне нужно научиться одновременно пользоваться таким же арсеналом средств помощи, который имеется в Исламе. Я для себя сформулировала такие аргументы для этого: генетическая память, или унаследованные черты, способности, вероятно, смогут помочь мне в решении проблемы. Во многих религиях прошлого акцентируется внимание на возможность помощи предков, рода. Мучающее НЕЧТО имеет образ отца, который был мусульманином. Логичнее решать проблему с позиции ислама, решила я.

И я в октябре 2003 года поступила в женское медресе при самарской мечети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.